

ВОЛКОВА

ПЕРЕКРЕСТКИ СУДЬБЫ

о моем Доме,
о моем Театре



Хочу поблагодарить всех, кто помог мне в создании этой книги.

*Прежде всего удивительного талантливого человека
Энну Моисеевну Романовскую, которой удалось не только
организовать меня, но и разыскать архивные материалы,
связанные с творческой деятельностью моего деда.*

*Выражаю глубокую признательность
Татьяне Петровне Шишкиной,
Благотворительному фонду социальной поддержки
и просвещения «Милосердие и Добродетель»
за предоставленную финансовую поддержку,
а также коллективу издательства «ГАММА-ПРЕСС»,
давшему книге новую жизнь.*

СОДЕРЖАНИЕ

МОИ АДРЕСА ... 9

Бульвар Профсоюзов, 11 ... **9**

Адмиралтейский проспект, 1 ... **83**

Площадь искусств, 1 ... **100**

Моховая, 35 ... **106**

Пионерская площадь, 1 ... **143**

Невский проспект, 56 ... **202**

Набережная Фонтанки, 65 ... **237**

МОЯ МАСТЕРСКАЯ ... 271

Антонина Шуранова ... **323**

Елизавета Уварова ... **328**

Павел Луспекаев ... **331**

Александр Хочинский ... **336**

Виктор Гвоздицкий ... **337**

Слава Полунин ... **339**

*Жил старик, хозяйственный, веселый,
Русский человек с широкою душой.
Шел он по полям, по деревням и селам,
Шел он по дорогам к стороне чужой.
Россия! Дожди косые.
Леса густые, реки и поля.
Россия, матушка Россия!
Россия — это русская земля.
Россия — это русская земля.*

Мама со своей сестрой поют на два голоса эту грустную и очень красивую песню. Тихо постукивают колеса. Длинный состав медленно едет через пустые развороченные поля. Кое-где торчат из земли дула пушек, перевернутые танки. Я смотрю в окно. Мы возвращаемся из эвакуации домой, в Ленинград. Мне кажется, что едем долго-долго, целую вечность. И не только потому, что поезд часто останавливается и идет очень медленно. Путь ведь не близкий: Новосибирск — Ленинград! Просто мне очень хорошо. Мы возвращаемся всем домом, всей семьей. Мы — это дед, бабушка, мама, мамина сестра со своим шестилетним сыном Геннадием, мой родной брат Игорь, ему уже девять лет, и я — пятилетняя. Не хватает только тетиного мужа, который не вернулся с фронта — пропал без вести (а это значит, что еще есть надежда!) — и моего отца, который чудом выжил в блокадном Ленинграде и будет встречать нас на вокзале.

Этот поезд похож на длинный дом, наполненный замечательными веселыми людьми. В нем возвращается из эвакуации Александринский театр, где дед работал артистом. Вместе с труппой едут студенты — будущие артисты. Поезд обжили сразу. Тамбуры превращены в кухни, где на примусах женщины по очереди готовят обед. В купе висят уютные занавески, на столиках стоят цветы. А главное, постоянно слышатся песни под гитару, хохот, бесконечные розыгрыши. Я со своим неумным любопытством тянулась к молодежи, а поскольку очень любила танцевать и смешить, то студенты включили меня в разыгрываемые ими импровизационные сценки.

Вот по вагону движется вереница разряженных в пестрые тряпки «цыган». Девушки, приплясывая, поют под гитару зажигательную песню. Возглавляет это шествие их педагог — тогда еще совсем молодой, замечательный артист Юрий Владимирович Толубеев. Он изображает слепого, держа в одной руке шляпу для подаяния, а за другую руку, как поводырь, ведут его я.

«Цыгане» вваливались в купе, заводили плясовую, а меня ставили на столик. И я, тряхнув платком, начинала выплясывать «цыганочку». Из-за маленького роста и щеделушности я выглядела года на четыре, поэтому задуманный трюк срабатывал каждый раз безотказно. Конечно, все умирали от смеха и щедро кидали деньги в шляпу «слепого». Обнаглев от успеха и реально заработанных денег, молодежь решила постучать в купе корифея и ведущего артиста Александринки Юрия Михайловича Юрьева. Корифей был строг, и его побаивались. Но кураж разошедшихся «цыган» оказался сильнее страха. Меня поставили на стол, и номер повторили. После завершающего аккорда Юрий Михайлович помолчал, а потом сказал очень серьезно:

— Эта девочка будет артисткой.

Вот с этим удивительным предсказанием моего будущего, которое сама еще не предчувствовала, я и въезжала в город Ленинград. Это был 1944 год.





PETRO PRIMO
CATHARINA SECUNDA
MDCCCLXXII

Наш первый послевоенный адрес.

Вход в большую трехкомнатную квартиру был со двора, куда выходили окна одной из комнат. 9

Окна двух других комнат выходили на бульвар.

Все четыре высоких окна начинались прямо от

БУЛЬВАР ПРОФСОЮЗОВ, 11



тротуара, поэтому квартира считалась подвалом, была очень холодной и сырой. Половицы в огромной 25-метровой кухне полусгнили, из-под пола несло сыростью и холодом. Дед долго латал их фанерными заплатами, но теплее не становилось. Истратив кучу денег сначала на дрова, а потом на торфяные брикеты, стали выяснять причину постоянной сырости. Оказалось, что дому более ста лет и прежде в нашей квартире была булочная, а под кухней обнаружили огромную яму, заполненную водой, — очевидно, бывший погреб.

Но ни холод, ни сырость не могли омрачить радости возвращения домой. После долгой раз-

луки собрались все вместе! Мы в Ленинграде, и скоро должна кончиться война!

Обставляли новое жилье чудом уцелевшими вещами и кое-какой мебелью из довоенной квартиры, которую потеряли во время блокады (ее заняли беженцы).

До сих пор не понимаю, как уцелели все эти вещи: старинные фотографии, письма, документы... В роскошных рамах — портреты М.Г. Савиной, В.Ф. Комиссаржевской, акварели дедушкиных друзей, художников Кустодиева и Лапшина, фарфоровая кукла, с которой в детстве играла бабушка, и даже абсолютно бессмыслен-



Ольга Байковская, мамина сестра и моя тетя

ные полуметровые узкие блюда кузнецовского фарфора для осетров. Все это разносилось по комнатам. Каждый устраивал и обживал свою территорию, прилагая немалую фантазию и изобретательность, добиваясь уюта.

В одной из комнат поселилась мамина младшая сестра Ольга Ивановна Байковская, она же Люся, или, как дети ее называли, Тяптя, с шестилетним сыном Геннадием. Эту очаровательную высокую стройную женщину Бог щедро наградил множеством талантов. После школы она вместе с мамой окончила музыкальный техникум и школу западноевропейских танцев. Прекрасно пела, танцевала, играла на рояле, гитаре и

была одаренной актрисой. Увы, судьба сложилась так, что она не смогла реализовать себя в театре. Выйдя до войны замуж, она родила в 1938 году сына, а уже в 1941-м уехала с дедом в эвакуацию. Только там ей удалось поиграть в Ансамбле старинных вокалистов, который возглавлял дед. По возвращении в Ленинград надо было зарабатывать на жизнь, а Ансамбль в это время прекратил существование.

Ольга Ивановна сначала работала копировщицей, а потом, окончив курсы, стала техником в НИИ. Там иногда она участвовала в самодеятельных спектаклях. Я видела ее в роли Мерчуткиной в чеховском «Юбилее», который поставил дед, и поняла, что она могла стать блестящей острохарактерной актрисой.

Воспоминания о маме и тете убеждают меня в том, что артистизм — Божий дар, талант, который не только помогает человеку во всем, чем бы он ни занимался, но и создает вокруг него атмосферу праздника. Ольга была замечательной кулинаркой, шила, вязала, умела организовать дом, быт. Она обладала безупречным вкусом.



В другой комнате устроились мы: мама, папа, брат Игорь и я. Эта комната отличалась особым аскетизмом, несмотря на мамины старания придать ей уют

и тепло. Все было подчинено сильной воле моего отца — Владимира Александровича Политова. Человек он был особенный и не совсем вписывался в наш легкий, веселый и дружный дом. Он ходил на своего прадеда, барона фон Хорста. Типичный «остзейский» немец, невысокого роста, крепкого телосложения, с боль-

Отец — Владимир
Александрович Политов
Мама — Ксения Ивановна
Политова (1947 г.)



Свадебная фотография
мамы и папы (1933 г.)

Игорь, мама, отец и я (1945 г.)



шими серыми глазами и довольно крупным носом. Отец всегда носил крахмальные воротнички, отращивал «баки», ходил в шляпе и с тростью. Он был аккуратен до педантизма, жил в жестком режиме и настоятельно требовал того же от мамы и детей.

Окончив до войны мореходное училище, он несколько лет плавал механиком на судах торгового флота, часто бывал за границей. Занимался спортом и стал чемпионом области по боксу. До самой глубокой старости поддерживал физическую форму: купался до ноября в шуваловском озере, не расставался с гантелями. Отец был вспыльчив, мог взорваться по любому пустяку и так неожиданно, что мы его побаивались.

Как-то, когда отцу было уже семьдесят лет, он шел вечером по улице, и его остановили двое пьяных:

— Ну что, жидовская морда, идешь?

— Иду, сынок, иду! — ласково ответил отец и, обращаясь ко второму, попросил: — Подержи палочку!

Тот растерянно взял палку, а через секунду обнаружил своего товарища лежащим в нокауте. Отец забрал свою палку и спокойно пошел дальше.

Будучи трудоголиком, он работал не только вечерами, но и по воскресным дням, а значит, мы не должны были ему мешать.

Он блестяще знал немецкий язык и заставлял нас заниматься с его знакомой немкой Эдлей, которую мы с братом люто ненавидели и называли «Едлой».

Отец нас очень любил, гулял с нами, читал книги вслух. При довольно жестком характере был сентиментален и часто, умиляясь, смахивал слезу. Всем нам давал прозвища: я — Крохотуленька, Игорь — Тытыш, а мама — Глупыш.

Он не выговаривал букву «л», но, как нарочно, выстраивал фразы, где преобладала именно эта буква. Мы с братом потихоньку давились от смеха, когда он, обращаясь к маме, говорил:

— Гуупыш, дай пауатенце. Хотя, уадно, не надо, я сам нашоу.

Петь отец любил исключительно первую строчку арии Лизы из «Пиковой дамы»:

— Ах, истомииуась, устауа я!

Дальше шла мелодия без слов.

Он обладал еще одной странной, совсем не безопасной по тем временам привычкой: целовал дамам «ручки» (всем без исключения) и говорил совершенно незнакомым людям «господа».

Работал отец инженером по технике безопасности, читал лекции. Обладая светлой головой и неуживчивым характером, он постоянно нарывался на неприятности. Однажды, выражая несогласие с решением какой-то технической проблемы, он



Я с папой

публично так едко высмеял начальника за безграмотность, что тот, обозлившись, написал на отца донос. За домом началась слезка.

Как-то мы с папой вышли гулять. Напротив дома на скамейке дремал старичок, который, наверное, уже не раз попадался ему на глаза. Подойдя, отец дотронулся до его плеча.

— Дедушка, на работе спать нельзя. Я уже вышел из дома, а вы спите.

И мы пошли дальше.

Это был 1947 год. Когда опасность, что за отцом со дня на день «придут», стала реальной, он решил уехать из города.

Отец долго работал на строи-

тельстве Волго-Донского канала, даже сделал там какое-то очень серьезное техническое изобретение. Адрес он нам не оставил, чтобы мама не смогла «ответить», где он, если ее вызовут в КГБ. Но деньги домой как-то ухитрялся пересылать.

Через несколько лет отца все-таки арестовали. Привезли в Ленинград, судили, дали 10 лет. Мама продала все, что было возможно, чтобы нанять адвоката.



Дед — Иван Александрович
Кошек (1911 г.; позже взял
псевдоним Вольский)

В 1955 году отца освободили и реабилитировали. Но, когда он вернулся в Ленинград, у него была уже другая семья.

В третьей комнате, всеми нами любимой, теплой и уютной, устроились дедушка с бабушкой. Их комната была сердцем и душой нашего дома. В ней стоял большой прямострунный рояль (дед где-то достал), на стенах висели акварели, сделанные бабушкой во время бесконечных гастролей, фотографии сцен из водевилей, портреты с автографами Ходотова, Хенкина, Марджанова, великого Давыдова:

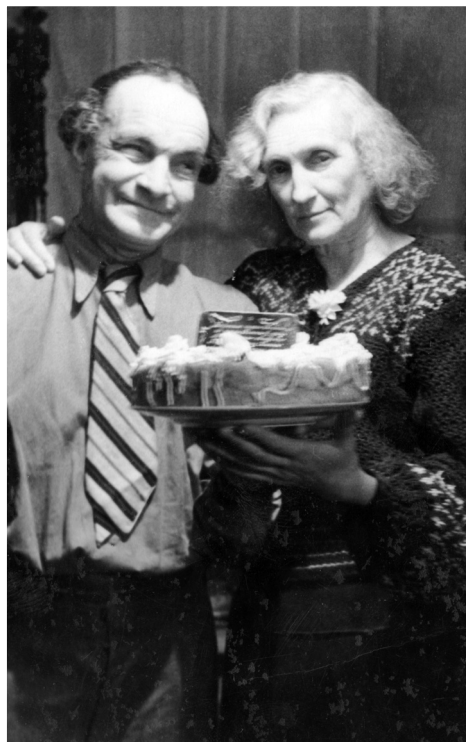
«Дорогому, хорошему, милостому и сердечно любимому другу Ванюше Вольскому на добрую память. Не забывай, родной, старого друга, деда В. Давыдова. Москва, 17 мая 1924 г.»

На рояле стояли красивые японские безделушки. Над обеденным столом висел сделанный бабушкиными руками изящный абажур. На окнах — шторы, которые когда-то использовались для оформления сцены в одном из дедовских спектаклей. Широкую тахту покрывало красивое сюзане. Обстановку завершали трюмо, письменный стол деда и даже маленький ломберный столик.

От деда и бабушки, проживших вместе огромную жизнь, исходило особое тепло, ощущение надежности, защиты и настоящего дома, которое я никогда больше не испытывала.

Они были знакомы с детства. Дед влюбился в бабушку, Ека-

Дедушка с бабушкой 50 лет спустя (юбилей)





Великий артист Александринского театра, педагог и большой друг деда В.Н. Давыдов

17

Артист Николай Ходотов



Спасибо, Николай, за письмо и сердечно
дружеское внимание к моему делу.
Ваше письмо, как всегда, было
в высшей степени интересно и
полезно. С уважением
В.Н. Давыдов
17 мая 1928 г.



Артист Владимир Хенкин

Дружеское письмо Николаю
Ходотову
1. Николай, прошу, не забывать о дружбе.
Николай, прошу, не забывать о дружбе.
Де Хенкин - а дружба - Николай
Ходотову

терину Васильевну Эрвольдер, когда ему было семь лет. Он написал ей письмо с объяснением в любви. Но письмо попало в руки другой Эрвольдер — Екатерине Вильгельмовне, ее двоюродной бабке. Вышел большой конфуз.

Бабушка в 1911 году окончила в Петербурге Стоюнинскую гимназию, а в 1912 вышла замуж за деда, Ивана Александровича Кошека, который в это время окончил Театральные курсы. Выдающаяся артистка Мария Гавриловна Савина в своем уче-

Бабушка — Екатерина Васильевна Кошек (1947 г.)



нике души не чаяла. А когда в 1913 году родилась моя мама, Мария Гавриловна крестила ее. Она подарила дюжину серебряных ложек и книгу «Воспоминания о поездке за границу» с дарственной надписью: «Крестнице моей, Ксаночке, от Марьи Гавриловны». Эта книга хранится в доме по сей день.

Бабушка была очень умным, тонким человеком. Знала два языка, прекрасно рисовала и была замечательной пианисткой. Она мечтала поступить на Бестужевские курсы и учительствовать в сельской школе, но, выйдя замуж за деда, посвятила всю свою жизнь ему и семье. Работая с дедом в Ансамбле старинных водевилей, она была его незаменимой помощницей: аккомпанировала в му-

зыкальных номерах, гладила костюмы, раскладывала реквизит.

Бабушке удавалось создавать домашний уют везде, где бы они ни оказывались во время многочисленных гастролей, будь то гостиница или поезд. Я с детства помню дубовые листочки для бутербродов, выпиленные дедом из фанеры, мельхиоровые подставки под вилки и ножи, накрахмаленные салфетки. И конечно, всегда и везде вместо казенных занавесок бабушка вешала на окна что-нибудь уютное и домашнее. Даже



Бабушка — Екатерина Васильевна
Эрвольдер (1911 г.)

на стенах купе развешивались фотографии детей и внуков, а также ее акварели.

Высокая, худенькая, она всегда следила за собой. Много читала, непременно пользуясь маленьким географическим атласом, который брала в поездки, чтобы точно знать место действия романа или повести. Бабушке было все интересно. Делая работу по дому, она слушала радио. Когда мы уже учились в школе, помогала нам с математикой.

Дед и бабушка были такими разными! Он — озорной, темпераментный, шумный, а бабушка — полная ему противоположность: сдержанная, молчаливая, подтянутая. Они очень любили друг друга, никогда не расставались и прожили вместе до глубокой старости.

Из внуков бабушка больше всех любила моего двоюродного брата Геннадия, тихого, ангельски красивого. Он хорошо рисовал, собирал цветы...

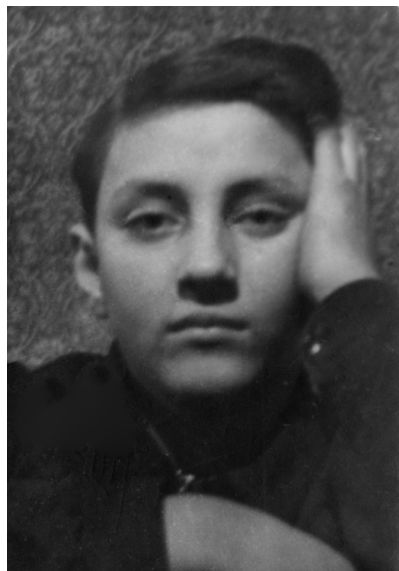
На меня бабушка взирала с нескрываемым огорчением, потому что я очень мало походила на «барышню», какой ей хотелось бы меня видеть. До сих пор слышу ее низкий голос после очередной моей выходки:

— Ляля, как ты можешь, ты же барышня!

Бабушка занималась с нами музыкой, несмотря на наше отчаянное сопротивление. Вершиной совместного творчества стало исполнение детьми в шесть рук «Марша Черномора» на одной из рождественских елок.

В доме был культ праздников. Особенную праздничную атмосферу даже в самых, казалось бы, неподхо-

Геннадий Байковский, двоюродный брат





дящих ситуациях умел создать дед. Когда мы засиживались допоздна в гостях и уже клевали носом, дед, понимая, что предстоит долгая дорога домой, вытаскивал нас на улицу и неожиданно громко объявлял:

— Мазурка!

Схватив кого-нибудь за руку, он неся по мостовой, громко напевая мотив мазурки. Мы с хохотом, разобравшись на пары, летели за ним.

А наши уютные, ежедневные «фрыштыки», которые готовила бабушка: черный кофе и узенькие подсоленные кусочки черного хлеба (гретки). А ужины!.. Каждый вечер непременно кто-то приходил в гости, так как дом на бульваре Профсоюзов очень скоро стал для многих наших друзей желанным пристанищем.

Если это званый ужин, а таких ужинов было много, накрывала на стол бабушка.

Ритуал организации стола соблюдался неукоснительно. Гостей рассаживали так, чтобы стол был «живой»: мужа с женой растаскивали по разные концы. Под каждую тарелку клали картонный кружок с карикатурой и маленькой эпиграммой на гостя. Из скудных продуктов бабушка творила чудеса. Она чистила дешевую кильку таким образом, что та, свернутая в рульку

Оля Политова, 9 лет
Игорь Политов, родной брат,
13 лет

и проткнутая гвоздичкой, превращалась в довоенный «рольмопс». Взбивался из яиц и подсолнечного масла настоящий «провансаль». Заранее затиралась из порошка горчица, затем приправлялась мадерой и чем-то еще. А уж какими натюрмортами украшала Ольга салаты и прочие яства, не описать!

Сдвигали столы, на стулья клали длинные доски, обернутые клеенкой, чтобы всех усадить. Затем появлялись гитара, банджо и... начиналось такое веселье с романсами, анекдотами, песнями — с ума сойти! Не могли наговориться, напеться, нахохотаться. После застолья убирали столы, и начинались танцы под патефон. Когда в патефоне срывалась пружина, кто-нибудь крутил пластинку пальцем. Мама с сестрой танцевали румбу, вальс-бостон, а мы, дети, конечно, тут же проходили курс обучения. Господи, какое же это было счастье! А как они спорили! Однажды кто-то из гостей рассказал историю про то, как один человек, делая ремонт, залез на шкаф. Лестница упала, и он просидел на шкафу часа два, пока не пришла жена и не спасла его. Рассказанная история вызвала бурную реакцию. Первой возмутилась моя чопорная, но не лишенная чувства юмора бабушка:



Карикатуры на бабушку, маму, деда

— Какая глупость! Не слезть со шкафа!

В бабушкиной комнате стоял огромный платяной шкаф, и она потребовала, чтобы ее посадили на него. Она довольно легко спустилась вниз благодаря своей худобе и высокому росту. После бабушки на шкаф залезали все гости по очереди. Последний опыт оказался неудачным — полез Владимир Михайлович Казаринов, замечательный артист, друг деда. Он был солидный, высокого роста, с огромным животом. И вот, когда он попытался спуститься со шкафа, то именно на животе и «повис». Что было дальше, описать трудно. Он орал от боли, матерился, а все так хохотали, что не могли ему ничем помочь. Крик стоял такой, что дрожали стекла.

Гости редко пользовались дверями. Распахивались окна, выходящие на бульвар Профсоюзов, вылезал с банджо знаменитый тогда Джон Данкер, с хохотом вываливались провожающие и сажали гостей на трамвай. Таким же образом возвращались обратно: окна закрывали, и на бульваре воцарялась тишина.

Чем труднее жили, тем больше устраивали праздников, лишь бы был повод. Отмечались дни ангелов, календарные дни, дни рождения по старому и новому стилю... Украшали все комнаты шуточными стенгазетами, смешными объявлениями.

Для нас, детей, самым счастливым днем в году было Рождество. Отмечали его всегда 24 декабря, так как дед был лютеранином. После войны остались кое-какие елочные игрушки, но сохранялась замечательная традиция самим делать украшения для елки. Накануне мы с братьями усаживались с бабушкой за стол с приготовленной на нем цветной бумагой, фольгой, картоном, клеем и красками. Самое легкое, нарезав разноцветную бумагу, клеить звенья для длинных бумажных цепей. Делали маленькие домики с ватным «дымом» из трубы. Разрисовывали клоунские головки в разноцветных колпачках. Обклеивали ватные шарики атласными лоскутками. Шедевром бабушкиного творчества был настоящий маленький танк из серебряной фольги. А уж сделанный ею дед-мороз, одетый в ватную шубу, обклеенную нафталином и осколками битых елочных игрушек, буквально поражал роскошью. Мы трудились вовсю,

УДК 7.07
ББК 85.334.3(2)
В67

Волкова, О. В.

В67 Ольга Волкова : перекрестки судьбы : о моем Доме, о моем Театре / О. В. Волкова. — Издание второе. — Москва : ГАММА-ПРЕСС. — 352 с. : ил.

ISBN 978-5-9612-0106-2

Блестяще написанная книга знаменитой актрисы театра и кино, народной артистки Российской Федерации Ольги Владимировны Волковой повествует о семье, Доме, который сформировал ее как личность и актрису, о Театре — людях, открывших для нее законы творчества и посвятивших в таинства профессии.

Предназначено для тех, кто равнодушен к прошлому, настоящему и будущему российской культуры.

ББК 85.334.3(2)

ISBN 978-5-9612-0106-2

© Оформление. Издательство
«ГАММА-ПРЕСС», 2025
© Волкова О. В., текст, 2025

Популярное издание

ВОЛКОВА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА

Ольга Волкова. Перекрестки судьбы:
о моем Доме, о моем Театре

Издание второе

Редактор	<i>Галина Шерихова</i>
Дизайн	<i>Дмитрий Аникеев, Любовь Иванова</i>
Верстка	<i>Любовь Иванова</i>
Корректор	<i>Валентина Голяховская</i>

Формат 70х90/16. Объем 22,0 печ. л.
Изд. № 0076

ООО «ГАММА-ПРЕСС»
123056, г. Москва, ул. Красина, д. 27, стр. 2
Тел.: +7 (495) 609-07-93
www.gamma-press.ru